

НАРОЧАНСКИЙ ВЕРДЕН *как на берегах Нарочи Францию выручали*

В городском поселке Мядель есть районный музей Народной славы, расположенный неподалеку от руин древнего королевского замка. Хранится в экспозиции скромный, но хватающий за душу экспонат - табличка от исчезнувшего с лица земли братского кладбища воинов русской армии, павших в первую мировую войну при газовой атаке в районе озера Нарочь. На ней надпись: "Не шумите, сосны зеленые, не будите вы славных героев".

Кто же в те времена считался русским солдатом? Да все граждане империи - белорусы, украинцы, русские, татары, евреи, грузины, башкиры - люди десятков национальностей.

Идет время. Черство, неумолимо. Тернием и лесами поросли одни братские могилы, другие еще в двадцатые годы Белопольское правительство стерло с лица земли, отдав под пахоту, третьи...

Не шумите сосны... Но они шумят, шумят, шумят... Словно души жертв самого кровопролитного на белорусской земле сражения Первой мировой вызывают к нашей памяти.

А теперь обратимся к официальным источникам. Вот как трактует это событие Краткая энциклопедия "Белорусская ССР": НАРОЧАНСКАЯ ОПЕРАЦИЯ 1916 г., наступательная операция русских войск Западного фронта в районе озера Нарочь в период Первой мировой войны. Планировалась на лето, начата 18 марта в целях облегчения тяжелого положения союзной французской армии под Верденом. Главный удар нанесла вторая армия с целью прорыва фронта. Атаки русских войск продолжались до 28 марта, но в связи с неблагоприятными метеорологическими условиями и слабой артиллерийской подготовкой имели лишь тактический успех. НАРОЧАНСКАЯ ОПЕРАЦИЯ отвлекла значительные немецкие резервы и улучшила положение французской армии. Русские войска понесли большие потери".

Думается, энциклопедисты наши несколько мельчат. Конечно, на фоне мировом - это операция. Но для Беларуси это - СРАЖЕНИЕ. И, повторюсь, самое кровопролитное на белорусской земле в те годы.

Чтобы читатель ясно представлял его значение, без краткого экскурса в историю Первой мировой войны не обойтись.

Можно сказать, что войну эту формально развязал сербский студент-националист, член организации "Черная рука" Гаврила Принцип, совершивший летом четырнадцатого года покушение на наследника австро-венгерского престола принца Франца Фердинанда. Выстрел в Сараево дорого обошелся народам земного шара. 38 стран с населением 1,5 миллиарда человек оказались вовлечены в мировую бойню.

Уже в самом начале войны русским войскам пришлось спасать своих французских союзников. Когда немцы стояли уже в сорока километрах от Парижа, расквартированная в Бобруйске 2-я армия ринулась в Восточную Пруссию и погибла потом в Мазурских болотах. Зато Париж был спасен, ибо немцы были вынуждены снять с западного направления два корпуса и перебросить их на восток.

Территория Беларуси с самого начала войны прилегалала к району боевых действий, а пятнадцатый год стал трагическим для нашего народа. В августе

германские войска захватили Брест-Литовск, в начале сентября Гродно. 9 сентября был прорван фронт в районе Свенцяи и шесть германских кавалерийских дивизий прошли в тыл русских войск, захватили Вилейку, дошли до Молодечно, а отдельные их части просочились даже до Борисова. Однако, возродившаяся, как птица Феникс, после гибели в Мазурах 2-я армия после упорных, жестоких десятидневных боев выжила супостата до района озер Нарочь-Свирь. Сколько наших солдат полегло в Нарочанской земле при ликвидации Свенцянского прорыва одному лишь Господу ведомо. Это была последняя операция маневренной войны на русско-германском фронте. После нее обе стороны перешли к позиционной войне. На долгое время фронт стабилизировался на линии Двинск /Даугавпилс/ - Поставы - Барановичи - Пинск. Была оккупирована четверть территории Беларуси с населением два миллиона человек. Как пишут исследователи, немецкие войска грабили белорусские земли, фабрики и заводы были разрушены, промышленное оборудование вывезено в Германию. Немецкие солдаты отбирали у жителей скот, хлеб, лошадей, одежду, обувь, домашнюю утварь. Грабежи сопровождалась поджогами домов, убийством детей, стариков, женщин. Трудоспособное население немецкие власти заставляли выполнять бесплатно тяжелые работы, многие жители были насильно отправлены на каторжные работы в Германию. Оккупантами была разработана целая система штрафов и налогов. С населения взимался подушный налог в размере 8 марок с человека. Малейшее неповиновение оккупационным властям сурово наказывалось.

Так было на оккупированной территории. Но в тяжелейшем положении оказалась и остальная часть Беларуси. В прифронтовой полосе собралось более одного миллиона беженцев из Польши и западных районов Беларуси. Они терпели тяжкие невзгоды и голод. Об этих людях у нас практически никто ничего не писал. А ведь на их долю выпали неисчислимы бедствия. Представьте: нескончаемый поток движется по пыльным трактам на восток - на телегах, повозках, пешком. Над спелыми житными нивами сливаются в густой страдальческий гул детский плач, едкий скрип колес, одичалое мычание коров, ржанье коней, жесткие хлопки кнутов, одинокий стон роженицы, хриплые матерные выкрики обозленных мужиков, Люди движутся в никуда, никто их нигде не ждет, никому они там впереди, не нужны. Неустроенность, боль и гнев несет этот поток. У обочины на ходу кого-то хоронят, кто-то то ли пьяно, то ли истерически хохочет, мальчишки путаются у всех под ногами, не нарадуясь диковинному зрелищу. И пыль, пыль висит в воздухе, застилая солнечный лик да скрипя на зубах. Кое-где среди полей и в перелесках сереют палатки холерных госпиталей, и подле них выются сизые дымы - санитары сжигают трупы. Беженцы исподволь кидают косые взгляды на людей в белых одеяниях, суetyащихся у палаток, и - вперед. Скорей, скорей, скорей. От врага, от холеры, от себя. А навстречу усталой пешью тянутся полки сибирских стрелков. И лица солдат, еще не знающих, что им придется полечь костями под Варшавой, Брест-Литовском и в Нарочанских лесах и болотах, мрачнеют при виде стенающего, заполнившего дороги люда...

Прощальный банкет устраивали в одном из залов старинного Шантильийского дворца, реквизированного в начале войны под штаб-квартиру вооруженных сил Франции. За окном, сразу от ворот голого ландшафтного парка устремилась к Парижу сорокакилометровая лента шоссе.

Холодные ветры Бискайского залива неслись сквозь промозглый декабрь, с воем ударяя в ослепшие от светомаскировки фасады. Камин источал уютный жар, горящие поленья легонько потрескивали и звездно-электрические отблески люстры, сработанной в форме Ориона, мягко искрились в хрустале бокалов и на золоте эполет.

Виновником скромного торжества для узкого круга приглашенных был известный во французской армии генерал По, возведенный в ранг постоянного представителя при русской Ставке и готовившийся уже к отъезду в Россию.

Открыл банкет генерал Жоффр, верховный главнокомандующий.

- Господа, - начал Жоффр, - в общих чертах вам известно, что три дня назад в этом блистательном особняке свершилась великая акция. Шесть союзных государств подписали документ огромного военного и даже исторического значения. Скажу больше - здесь решалась и решилась судьба нашей многострадальной отчизны. Конечно, ни Сербия, ни Бельгия, ни сама Англия в большой счет не идут. Основное - Россия. Обязательства, которые она приняла на себя в Шантильи, кладут конец нашей неуверенности в будущем. - Жоффр на несколько мгновений умолк, окинул гостей быстрым, но пытливым взглядом и продолжал: - Наша двойная цель - заставить правительство царя Николая двинуть будущим летом русскую армию в мощное наступление, а также застраховать Францию на случай... скажем, какой-либо неприятности - достигнута. Что же касается обязательств наших, то, полагаю, мы уже их с достоинством выполнили, - губы Жоффра тронула легкая улыбка, и он с уважением склонил перед По аккуратно подстриженную голову. - Разве не свидетельство тому нынешние проводы в Могилев дорого нашему сердцу генерала? Мой штаб утверждает, что кайзер намерен пока оставить Запад в покое, и предпримет в скором времени крупную операцию на русском театре...

Генерал По произнес ответный тост, медленно осушил бокал и швырнул его в огненное чрево камина - на счастье.

А копия постановления декабрьской Шантильийской конференции, отпечатанная в его багаже, содержала, как и хранящаяся ныне в Центральном военно-историческом архиве, следующие основные положения:

1. *Окончание войны может быть достигнуто на основных театрах - Русском, Англо-Французском и Итальянском.*

2. *Решение искать в согласованных наступлениях, чтобы не позволить противнику бросать резервы с одного фронта на другой.*

3. *Общее наступление должно начаться летом 1916 года, когда климатические условия позволят наступать в России.*

4. *Каждая из союзных держав должна быть готова остановить собственными силами наступление противника и оказать помощь другой державе, если она будет атакована.*

Решения декабрьской конференции содержались в строжайшем секрете. О них было известно очень немногим чинам из высшего русского генералитета. Лишь начальник штаба Верховного главнокомандования генерал Алексеев, уединяясь в тиши своего могилевского кабинета, куда еще в августе пятнадцатого перекочевала из Барановичей Ставка, бдел ночами над планом намеченного на лето общего наступления.

А в Париже и на острове за Ла-Маншем по-прежнему были уверены, что кампанию шестнадцатого года германские войска начнут с наступления на Россию. Восемнадцатого февраля генерал Жоффр писал английским коллегам: "Либо союзники сохраняют до лета инициативу действий, либо противник произведет весной могучую атаку на русских". Так под знаком блаженного неведения и пребывали наши западные друзья.

Некоторые русские генералы были более трезвы в оценке замыслов противника, нежели военные руководители союзных государств. По крайней мере, об этом свидетельствует эпистолярное наследие штаба Западного фронта. Двадцать шестого января в Минске в сером каменном здании по улице Петропавловской /ныне Энгельса/ мыслями и рукой главнокомандующего Западным фронтом Алексея

Ермолаевича Эверта рождена секретная депеша, отравленная в тот же день в Могилев. Он писал: "Агентурные сведения, опросы пленных, отсутствие каких-либо новых частей перед нашими позициями - все это в связи с уводом значительных частей германских войск с Балканского полуострова указывает на полную вероятность развития германцами в ближайшем будущем наступательных действий на из Западном фронте.

И оказался прав.

Наступление на русском фронте представлялось на данном этапе кайзеровским генштабистам невыгодным, так как даже в случае успеха они утрачивали главное преимущество - развитую сеть железных дорог - и не смогли бы оперативно перебросить войска на запад. По их мнению, решать судьбу войны следовало, прежде всего, на западе. Немецкий главком Фалькенгайм исходил из того что напряжение Франции достигло предела, и покончить с ее армией - задача хоть и нелегкая, но разрешимая. И при одном взгляде на карту объект предстоящих действий предлагал сам себя. Это - Верденский выступ, служивший для французов опорой всего фронта.

Задумано - сделано. Подготовку решающего сражения начали с первых чисел января. Несколько крупных корпусов были сняты с различных участков и отправлены в тыл для укомплектования и обучения в спецлагерях. Подражая Суворову, который некогда соорудил в натуральную величину макет Измаильской крепости и тренировал перед штурмом своих гренадеров, немцы выстроили в баварских лесах второй Верденский укрепрайон, только фанерный и натаскивали там свои ударные части. Все передислокации были осуществлены в строжайшей тайне и, несмотря на их размах, тайна эта до самого последнего дня оставалась для французов за семью печатями.

Через три дня после "провидческого" письма Жоффра англичанам, двадцать первого февраля в семь часов пятнадцать минут утра тысяча триста двадцать орудий, изготовленных на заводах Крупна, обрушили лавину огня на пятнадцатикилометровое кольцо Верденского выступа. /Через три недели этот зловеющий грохот кровавым эхом отзовется в Нарочанских краях/. Девять часов жуткий шквал непрерывного артобстрела сметал передовые позиции французского укрепрайона, потом пушки задрали стволы чуть выше, перенесли огонь в глубину крепостных бастионов, и ударные корпуса немецких войск ринулись в атаку, разом перечеркнув все стратегические прожекты полководцев стран Антанты.

Так началась памятная для Европы Верденская эпопея. Она унесла миллион жизней, одну десятую часть жертв первого мирового побоища. Согласно подсчетам французской стороны, под Верденом пали четыреста тысяч французских солдат и шестьсот тысяч германских. В подсчетах же немецких фигурируют те же цифры, но расставленные наоборот.

После непрерывных боев, не прекращавшихся ни на минуту в течение четырех суток, пали первые две линии обороны, а двадцать пятого февраля 24-ый бранденбургский полк овладел главной твердыней укрепрайона - фортом Дуомон. Фронт, а, возможно, и сама судьба Франции, оказались на грани катастрофы.

Итак, после кровопролитных сентябрьских боев при ликвидации Свенцянского прорыва в Нарочанских краях царит затишье. Слышна лишь редкая одиночная перестрелка да иногда бригады охотников /разведчики-добровольцы/ совершают вылазки за линию фронта.

Оборону на полосе в шестьдесят километров, по центру которых находилось благодатное озеро Нарочь, занимала 2-ая армия.

Состояние ее было, как говорится, не ахти. Вот выдержки из объемистого доклада генерала Беляева, инспектировавшего ее в декабре:

"...Укрепления боевых позиций в районе расположения войск 2-ой армии еще в очень плохом состоянии. Во многих местах укрепления представляют собой одну

линию окопов. Окопы прикрыты легкими широкими козырьками, закрывающими сверху почти весь окоп. В дни смотра окопы были несколько засыпаны снегом, что стрельба, как через бойницы, так и поверх бруствера, покрытого толстым слоем снега, стала невозможной. В некоторых местах окопы обвалились и частично разрушены, в некоторых окопах и убежищах стоит вода, сверху замерзшая. Землянки не освещаются. Искусственные препятствия местами развиты крайне слабо /2-3 ряда кольев/. Убежищ от тяжелых снарядов мало. Основным недостатком укреплений 2-ой армии является неправильный выбор места для укрепленной позиции. В этом отношении особенно неудовлетворительно расположение 2-го корпуса в болоте, где нет возможности ни прочно укрепиться, ни жить и где тыл позиций наблюдается со стороны противника во всех направлениях, части испытывают настоятельную нужду в тяжёлом шанцевом инструменте, в киркомотыгах и особенно в ломах. Теплой одеждой войска вообще не обеспечены, но в частях 36-го корпуса телогрейки еще не получены, что недопустимо. Сапоги повсюду плохи. Бельем люди обеспечены слабо. Изо дня в день части питаются одним супом, каша не варится, так как нет масла и сала.

Солдат учат действовать в одиночку и мелкими подразделениями, отработкой же взаимодействия пехоты с артиллерией никто не занимается..."

На полях доклада многочисленные и злые пометки главнокомандующего армиями Западного фронта генерала Эверта, а подытоживает их его резкая резолюция:

"Крайне печально отношение всех начальствующих лиц, столь индифферентное. Опыт года войны, к сожалению, прошел даром и до сих пор "авось" и "кое-как" остаются характерными. С сентября постоянно приходится обращать внимание и требовать создать столь твердую позицию, что противник и с тяжелой артиллерией ее бы не одолел все, по-видимому, ударом позиции, занимаемые 4 месяца, до крайности слабы. Тяжелый ответ понесут начальники, если они не примут самых энергичных мер к скорейшему исправлению недоделанного..."

Видимо, после прочтения доклада Беляева и родилась у Алексея Ермолаевича мысль - не ждать, пока немцы легким тычком проломают столь никудышную нашу оборону, а упредить и самим атаковать. Неожиданной зимней атакой, пока немцы менее всего ждут нашей активности. Атака в любом случае, но не позже двадцатых чисел февраля, ибо распутица станет погибелью для наступающих. Мощная стрела направления глазного удара, маятником раскачивалась в мыслях Алексея Ермолаевича, пока не остановилась, упершись острием в центр узкой теснины между озерами Нарочь и Вишневецкое.

В эти же дни командир германского 21-го корпуса генерал Гутьен принимал корреспондента газеты "Берлинер Тагеблатт" и показывал ему позиции корпуса. Штаб его размещался в деревни Кобыльники /ныне д. Нарочь/.

Через полчаса автомобиль въехал в полуразрушенную деревеньку Карабаны. Отсюда дорога вела по безлесной гряде к небольшой деревне Занарочь - крайнему пункту передовых позиций корпуса на южной оконечности озера. Вскоре позади остались отстоявшие на километр друг от друга такие же исковерканные сентябрьскими боями деревушки Гоздава, Сидоровичи, Железники и Мокрицы. За Мокрицами генерал велел шоферу остановиться. Они вышли.

К северу от дороги метрах в ста ошетинились проволочными заграждениями линия окопов. Справа возвышался довольно высокий холм, также оплетенный рядами колючей проволоки. Холм был какой-то странной конфигурации, что-то напоминал, по профессиональной привычке корреспондент попытался с лету сравнить эту форму вспученной земли с чем-то знакомым, сравнение так и просилось на язык, но все-таки не давалось. Корреспондент сплонул в сугроб и пошел след за генералом".

Вскоре они поднялись на вершину. Слева, километрах в двух, начиналась голая и ровная, уходящая к горизонту равнина Нарочи. Белую гладь озера взрезала, постепенно исчезая в морозном тумане, узкая темная полоска.

Корреспондент вопросительно глянул на Гутьена.

- Тоже проволока, - пояснил тот. Мы перекрыли все озеро. Вы стоите сейчас на третьей линии обороны. Первая в трех километрах отсюда. Эта теснина между Нарочью и Вишневым - неприступная крепость, созданная природой и мной. Все высоты - наши. Противник практически сидит в болоте. Вести боевые действия здесь русские могут только зимой, до начала марта. Но наши позиции устроены так, что одной ротой можно сдержать самый доблестный полк. Весной же и летом воевать здесь совсем невозможно. Для наступающих, я имею ввиду. Теснина становится непроходимой. Решиться на прорыв здесь может разве что безумец или заведомый самоубийца. Если в течение февраля русские не предпримут активных действий, моим солдатам обеспечен почти год спокойной жизни. Но если же предпримут - судите сами - и Гутьен, выбросив вперед руку, горделиво прочертил в воздухе полукруг.

Подступы к холму прикрывали две полосы проволочных заграждений с густым частоколом рогаток перед ними. Первая полоса шириной около пяти метров была выдвинута метров на сто от передовой траншеи. Вторая проходила прямо над брустверами. За передовой, шагах в тридцати виднелись симметрично расположенные входы в землянки. За ними на достаточном отдалении была устроена вторая линия окопов. Склоны пятнали удобные пулеметные гнезда и укрытия, в которых хищно затаились орудия легкого и среднего калибров. Холм был изрезан густой сетью ходов сообщения. Железобетонные массивы четырех дотов - двух с фронта и по одному на флангах, казалось, выстоят здесь столетия и под ураганным артиллерийским огнем. По всему было видно, что инженерным оборудованием плацдарма занимались опытные специалисты.

- Все подходы, - сказал генерал. - Даже ночью не проскочит и. мышшь.

- А как называется эта высота? - осведомился корреспондент, с невольным уважением глядя на Гутьена.

- Полагаю, вам будет более интересно узнать, как называет ее противник, - ответил тот и принял из рук адъютанта предусмотрительно протянутую ему карту. Потом развернул ее и с легкой улыбкой продолжал: - Недавно мне доставили вот эту русскую километровку. Свеженькая, еще типографской краской пахнет. 3 ноября болгарский царь Фердинанд с нашей помощью оккупировал Сербию. Достать Балканы у русских руки коротки, как они сами выражаются, так они рассчитались с ним на берегах Нарочи, - он ткнул пальцем в извилистую замкнутую линию близ узенькой струйки тракта, означавшую на языке топографии холм. - Видите, вокруг точки с их естественными географическими отметками, а эта с именем собственным. Знаете, как переводится? Высота "Фердинандов нос". И ловко же подметил сходство некий штабной прохвост. Среди моих солдат это идиотское название распространилось мгновенно.

- И впрямь, похожа, - согласился корреспондент, обзрев еще раз окрестности и вспомнив, какой предстала ему эта высотка при первом взгляде с дороги. - Не думает, пожалуй, ныне здравствующий монарх, что его имя уже вошло столь странным образом в историю грандиознейшей войны на Востоке.

Когда автомобиль разворачивался, корреспондент оглянулся. Огромных размеров нелепой конфигурации человеческий нос, помертвело-белый, с черными угрями пулеметных гнезд и блиндажей диковинно выпирал из чрева скованной морозом земли. И на секунду журналисту померещилось, что вокруг не эта привычная

военная жизнь с ее тревогами, заботами и кровью, а нелепая, чудовищная какая-то сказка...

До аудиенции у наштаверха Алексеева оставался ровно час и представитель французского командования при русской Ставке генерал По нервно мерил шагами свой номер в могилевской гостинице "Бристоль". От короткой беседы, каковая должна была произойти через этот час, в немалой степени зависела судьба его родины, и По в который раз мысленно репетировал фразы, которые ему предстояло сказать, глядя в раскосые глаза начальника штаба Ставки, фактического верховного главнокомандующего.

Французский военный дипломат уже знал, что форт Дуомон отдан противнику, в Париже реквизированы все частные автомобили и на шоссе Париж-Верден, названном впоследствии Бар де Люк - Священным - ни днем, ни ночью не смолкает рев машин, перевозивших к месту боев тысячи солдат. Все понимали, что крушение Вердена означало бы гибель фронта, гибель Франции, гибель Европы. Но исход битвы мог оказаться благополучным, если немцам не удастся снять даже малую толику войск со своего Восточного фронта. И эту задачу должен был решать он, генерал По, Правда, решение ее облегчало то, что Россия, связана с западными союзниками постановлениями конференции в Шантильи. Коготок двуглавого орла увяз, Европа ждала от него очередного взноса человеческими жизнями.

Генерал По остановился у стола и еще раз прочел телеграфную депешу, полученную им накануне вечером. Жоффр телеграфировал своему представителю в Могилев следующее:

"Наступление на Верден, где противником дополнительно введены в дело еще десять дивизий, является началом решительного усиления противника на нашем фронте... Противник может развить это усилие при условии переброски войск с других фронтов... В предвидении развития германских операций у Вердена и на основании постановлений в Шантильи я прошу, чтобы русская армия безотлагательно приступила к подготовке наступления..."

До генерала По доходили слухи, что командование русского Западного фронта настойчиво предлагало предпринять наступление зимой и направило в Ставку конкретный план, но Алексеев колебался, не отвечал ни "да", ни "нет", не желая взваливать на свои плечи и совесть ответственность и оттягивая начало общей операции на лето, как и было условлено в Шантильи. Теперь же ему предстояло склонить русское военное руководство к самому невыгодному варианту - весенней атаке крупными силами, что имело мало шансов на успех, зато было чревато серьезными человеческими жертвами. Да, подумал генерал По, при Марне Франция была спасена наступлением Второй русской армии в зоне Мазурских озер. Армия эта погибла, но теперь стоит у других озер - у Нарочанских, собранная как говорят россы, с миру по нитке. Несчастливый номер, обладателю трона следовало бы пропускать двойку при нумерации крупных соединений. Ну да ладно, если придется в движение грозная масса вооруженных людей здесь, среди тающих белорусских снегов, Париж и Франция надолго останутся, обязаны ему, генералу По.

Он сложил документы в портфель и отправился требовать у России нового заклания.

Вопрос наступления был решен быстро и келейно. Оставалось утвердить детали. Для этого в Могилеве было созвано совещание, на котором помимо наштаверха, присутствовали император, четверо главнокомандующих фронтами, три начальника штаба фронтов, военный министр, начальник морского штаба, главный интендант и главный генерал-квартирмейстер.

Доклад с обоснованием плана наступления делал Алексеев. Суть плана - основной удар должна нанести 2-я армия в районе озера Нарочь на отрезке фронта от Постава до озера Вишневоое. Алексеев предложил значительно усилить боевой состав армии, добавив к имеющимся там четырем корпусам еще пять и доведя ее численность со ста семидесяти тысяч солдат до трехсот восьмидесяти. Собрание предложения одобрило, и император утвердил их.

Покинув кабинет наштаверха, генерал Эверт, раздосадованный, быстро зашагал в аппаратную. Нужно было срочно ориентировать командующего 2-ой армией Смирнова на выполнение конкретных задач.

- На вверенную вашему высокопревосходительству армию возлагаю задачу атаковать и разбить противника, развивая наступление в общем направлении на Свенцяны, - продиктовал он прапорщику-телеграфисту. - Армия должна быть готова к атаке через две недели.

Уходя, он громко хлопнул дверью, чего никогда не позволял себе в Ставке. Случилось то, чего Эверт боялся более всего - сроки начала наступления затянули до возможной весенней распутицы. Обсуждавшийся план годился для зимних действий войск, а предложен к исполнению в условиях ранней, по прогнозу, весны и ростепели. Практически был принят его, Эверта, план, только с некоторыми коррективами. Хороший, отменный план для января или февраля, но никак не для марта. Мало того, что придется грудью продавливать позиции технически более сильного противника, но и в том районе, где местность во много раз увеличивает его обороноспособность.

А в эти минуты Михаил Васильевич Алексеев, завершив личное послание в Астрахань некому купцу, боявшемуся, что германские самолеты разбомбят его лабазы и просившего Ставку развеять его опасения, принялся за составление ответа генералу Жоффру. Писал он мелким убористым почерком, четко и без помарок излагая свои мысли и принятые решения.

Вскоре на желтоватый глянец воцеленной бумаги, поблескивающий под ярким светом настольной лампы, легли мертвенно-фиолетовые рукописные строки:

"В настоящее время готовится широкая переброска наших войск для выполнения атаки германцев сообразно с намеченным планом.

Русская армия не будет выжидать пополнения до полного штата ружей и выполнит атаку теми средствами, которые она будет иметь в распоряжении к моменту начала операции. Операцию, возможно начать 10-23 марта.

Сильная распутица может затруднить исполнение этого плана, ибо лишит возможности наши войска, артиллерию и обозы двигаться.

Русская армия исполнена стремления прийти на помощь французской в наиболее важное для нее время..."

Итак, все военно-политические точки над *i* в грядущем Нарочанском сражении были расставлены.

Штаб Второй армии дислоцировался в Будславе. Когда командующий ею старенький генерал Смирнов, доблестно ликвидировавший Свенцянский прорыв, получил приказ о наступлении в районе Нарочи, егохватила кондрашка. Хитрый был старикан, но, видимо, и мудрости не лишенный. Начальник штаба Ставров телеграммой уведомил Эверта, что командующий слег по случаю резкого обострения сердечной болезни, скорое улучшение не предвидится, и он согласно статье четырехста тридцать первой "Положения о полевом управлении войск в военное время" приступает к управлению армией от имени Смирнова. Однако Эверт считал Ставрова не военачальником, а канцеляристом и по согласованию со Ставкой возложил временное командование армией на командира четвертого корпуса генерала Рагозу, рвущегося к славе и не считающегося с потерями людей.

Рагоза примчался в Мядель, где квартировал штаб 4-го сибирского корпуса, скорехонько объехал часть полосы обороны, занимаемую армией, подержавшись по дороге за руку с несколькими командирами полков и начальниками дивизий и, вернувшись, отправил Эверту бодрую телеграмму:

"Знакомился с ближайшими помощниками, многими начальствующими людьми, осмотрел часть района армии и видел пять полков, Почитаю долгом донести об отменном состоянии войск, бодром настроении и полном обеспечении их в пределах того, что нам подали. Все от генерала до рядового проникнуты одной мыслью, одним желанием, чтобы работать не за страх, а за совесть, чтобы работа эта привела нас к давно желанной победе".

Об одном лишь не упомянул Рагоза. О том, что почти все полки на три четверти были укомплектованы новобранцами недавнего призыва, которых и солдатами-то назвать нельзя. Видимо, именно по этой причине и слег или сказался больным Смирнов, не пожелавший обременять свою совесть ответственностью за ход и исход операции.

Сырой западноевропейский март был уже разъеден сладковато-смертельным привкусом газов, напитан кровью двух наций, истязающих друг друга у Вердена - почти триста тысяч человек успели лечь там костями за три недели, на берегах Венецианского залива итальянские карабинеры открыли шумную перестрелку с разношерстным войском императора Франца-Иосифа, а в набрякших тающих снегах Беларуси на подступах к Нарочанским озерам двадцать дивизий Второй русской армии обустраивались в затылок друг другу на исходных позициях, чтобы вот-вот ринуться на выручку Франции.

Своим чередом текла и обыденная жизнь: лейтенант де Голль и поручик Тухачевский в офицерском лагере для военнопленных где-то в Саксонии яростно спорили о роли танков в сражениях будущего, немецкий гимназист Эрих Мария Ремарк писал сочинения на казенную тему: "Почему Германия выиграет войну", трудовой московский и питерский люд бурлил в километровых очередях у продовольственных лавок... А в ящике стола наштаверха Алексеева вторую неделю пылился важнейший документ, под которым все еще отсутствовала августейшая подпись. Единственный очевидец, зафиксировавший тремястами строк дневника хронику событий, происходивших в Ставке шестнадцатого марта - штабной офицер Михаил Лемке - оставлял нам в своей книге "250 дней в царской Ставке" и следующие шесть:

"Царь прибыл в Могилев в 2ч. 45 мин. дня, выехав от нас в Царское село в 4 ч. дня 1 марта. Как только он пробыл в штабе минут десять, в аппаратную принесли, без единой поправки, общую директиву, составленную Алексеевым, заранее зашифрованную и только моментально доложенную им царю, который все и одобрил".

Пунктом девятым этого документа был определен и срок начала главного удара - восемнадцатое марта.

Вечером семнадцатого марта командиры зачитывали перед строями своих солдат воззвание Эверта. Температура стояла уже плюсовая, снег начал бурно таять, и в промозглом воздухе хрипло звучали простуженные офицерские голоса:

"Мои доблестные солдаты.

Государь Император и родина ждут от вас ныне нового подвига - изгнания противника из пределов империи. Приступая завтра к выполнению этой высокой задачи, веря в ваше мужество, глубокую преданность государю и горячую любовь к родине, я убежден, что вы свято исполните свой долг перед царем и родиной и освободите ваших братьев, страдающих под гнетом врага.

Да поможет нам Бог в нашем святом деле.

Главкомандующий Западным фронтом
генерал-адъютант А.Е.Эверт".

Вторая армия была разделена на три группы - Южную со штабом в деревне Слобода, Центральную со штабом в местечке Мядель и Северную, центр управления которой разместился на станции Воропаево.

В семь часов утра восемнадцатого марта из деревни Слобода командующий Южной группой генерал от инфантерии Балувей отдал распоряжение открыть артподготовку по всему фронту группы. И батареи трех корпусов начали забрасывать снарядами опорные узлы немецких позиций между Нарочью и Вишневым - околицы деревень Близники, Занарочь, Стаховцы, Мокрицы, Железники и Балтагузы. Еще до того, как слег Смирнов, Балувей наметал поставить у южной оконечности Нарочи в затылок друг другу два корпуса — Пятый армейский, сделав его ударным, и Третий сибирский для развития наступления. Однако Рагоза горячо убеждал его в опасности контратак, Балувей заколебался и, в конце концов, изменил первоначальный план. Боевые порядки пришлось перестраивать в спешке.

Балувей не сиделось в штабе, и он расшагивал взад-вперед перед крыльцом, слушая, как громят орудийные раскаты. Батареи били ровно, мощно, как кузнечные молоты на огромном заводе, генерал наслаждался прелюдией к бою и начал сожалеть, что послушался Рагозу и убрал Третий сибирский корпус из тыла Пятого армейского. Вскоре ему доложили о ряде удачных попаданий, он чертыхнулся и вновь нехорошо помянул Рагозу, так некстати примчавшегося сюда из своего Несвижа. Как это он позволил ему сбить себя с панталыку? Если выйдет успех и не удастся развить его? Что тогда? Ведь вернуть корпус на прежнее место и сразу бросить в прорыв не так-то просто. Время, бесценное время будет упущено. И, может быть, безвозвратно.

Через полчаса, в половине восьмого утра, из небольшого местечка Мядель, населенного до войны преимущественно еврейской беднотой, телефонные провода разнесли по окрестностям приказ командира Четвертого сибирского корпуса, руководившего и центральной группой, генерала от инфантерии Сирелиуса открыть огонь по противостоящим частям.

Центральная группа была наполовину слабее каждой из фланговых по численности войск, но занимала, тем не менее, более половины фронта армии. Генералу Сирелиусу нравилась положенная ему роль - отвлекающая. Цепь неудач бряцала за ним с самого начала войны - он командовал корпусом в погибшей Второй армии и с трудом унес ноги из Мазурских болот - и пассивная роль пугала была сейчас как нельзя более на руку, ибо гарантировала от нового, окончательного уже провала.

Немцы открыли ответную стрельбу, и генерал, перейдя в укрытие, повел со своими офицерами душеспасительные беседы.

Грохот орудий быстро, как стремительная весна, разрастался с юга на север и в восемь часов пятнадцать минут расколол напряженную тишину, воцарившуюся с вечера над позициями Северной группы.

Управлял ей командир Первого сибирского корпуса генерал-лейтенант Плешков. Два ударных корпуса поставил он против немецких позиций - свой кровный Первый сибирский и одноцифровой армейский, но, в отличие от Балувей, которого Рагоза уговорил наступать по всему фронту, избрал для прорыва четырехкилометровый участок между руинами деревень Вилейты и Лесные Муляры. В успехе Плешков не сомневался: резервов хватало.

Хмурое утро занималось над Нарочанскими озерами, бешеный циклон нес сюда из Атлантики через равнины и горы Европы многотонные потоки сырого воздуха, придавливая и разъедавая утробным теплом океана снега болотистых перелесков.

Канонада гремела над холмами и низинами, деревеньками и фольварками, хуторами и местечками, вспучившимся льдом речушек, костелами и церквушками, обратившими к небу свои страдальческие кресты.

Земля хотела жить.

Но гораздо сильнее жаждали бытия люди.

Однако начали убивать.

Первой начала атаку Северная группа.

В двенадцать часов тридцать три минуты восемнадцатого марта тысяча девятьсот шестнадцатого года за мокрыми брустверами новый, уже успевший всколыхнуть души марш "Прощание славянки", медно вострубили духовые оркестры. Спустя две минуты над окопами громыхнуло, заглушая канонаду и "Прощание славянки" мощное десятитысячеголосое "Ур-ра", и плотная серая лавина российских солдат Двадцать второй пехотной дивизии отчаянно ринулась в хлопаящую равнинную слякоть. Низкие тучи огромными клочьями грязно-мыльной пены тоже неслись на запад, опережая и, казалось, увлекал за собой бурлящий человеческий вал. Он стремительно катился вперед, оцетинившийся штыками, исторгающий грозный рев - жуткий, презирающий стадную смерть и несущий ее.

Эти люди уходили сообщая в мировую историю и порознь - во мрак неизвестности.

За колючей ржавчиной заграждений, прикрывающих германские окопы, не выдержали - до времени сверкнул огненный оскал. Разом задержались стволы сотен орудий и пулеметов, тысяч винтовок. И на середине оттаявшего поля по упругой волне человеческих существ, рожденных среди необъятных просторов России, обжигающе хлестанули струи свинца.

Люди оказались сильнее беспощадного металла. Они упрямо бежали вперед и вперед. До тех пор, пока не стало очевидно - в полный рост никому не пройти. Тогда они бросились в стылую мешанину снега и талой воды и поползли дальше к колючей проволоке, замирая иногда, чтобы выстрелить. И достигли ее, и снова, презрев смерть, попытались резать стальные жилы ножницами, закрепленными на стволах винтовок вместо штыков. Но в эти минуты артиллерийская группа, которую начальник Двадцать второй пехотной не предупредил, что отдал приказ об атаке, стала посылать сюда залп за залпом тяжелые снаряды. А люди снова залегли, спасаясь уже не только чужого, но и от своего огня.

Атака Двадцать второй пехотной уже захлебывалась в крови, когда в Первой сибирской стало известно о ее начале. И начальник ее отдал приказ о немедленной атаке.

Десять тысяч сибирских стрелков, бросив недокуренные сигарки, стремительно вырвались из своих окопов. Новая мощная лавина вооруженных людей отважно понеслась в широкую, как полагали генералы, горловину прорыва.

Однако горловина, как давно уже показал опыт прорыва укрепленных полос на западноевропейском театре, которым, по недомыслию, пренебрегали, оказалось достаточной, чтобы застрять. Она должна была быть, по меньшей мере, втрое шире. Бесчисленные пулеметные гнезда, уцелевшие на ее рваных гранях, ударили по наступавшим фланговым огнем, насквозь прошивая их цепи. Батареи всех калибров начали массированный и точный, корректируемый с аэростатов обстрел фатального квадрата, соединив и перемешав землю с небом огненно-черными столбами. Талая стынь постепенно окрашивалась в мутный красный цвет.

Вслед за Первой сибирской восстал над окопами ударный полк Второй сибирской дивизии. Восстал, вдохнул полной грудью и - ринулся к мерзлой чащобе леса, с опушек которого целились в сердца бойцов неповрежденные, отменно

пристрелянные германские пулеметы. Передовые цепи полка сумели достичь проволочных заграждений, метнулись из последних сил на их колючие плети, но не осилили, не перегрызли, и вскоре набрякшая свинцом и кровью атакующая волна со стоном отхлынула, расплескалась по низинам и воронкам, оставив на ржавых колючках свою серую пену - сотни истерзанных трупов.

В это же время центральная часть линии фронта армии не возгоралась, а лишь тлела, подобно отсыревшему бикфордовому шнуру, зыбким огоньком перестрелки.

А в три часа дня, когда несколько дивизий на северном фланге уже отошли, выдохшиеся и израненные, два ударных корпуса Южной группы генерала Балугева изготовились к атаке на территории от южной оконечности озера Нарочь до озера Вишневское.

"Я уверен, - писал Балугев в утреннем приказе, - все примут крайние меры, чтобы удар был нанесен самым сокрушающим образом. Надо помнить, что наш враг силен не живой силой, а своими техническими средствами, а последние при решимости победить преодолеть нетрудно, чего я и ожидаю от всех частей группы..."

Едва нацелившись на скользкие склоны высот между деревнями Стаховцы и Занарочь, Пятый армейский корпус угодил под огонь собственной артиллерии, наблюдатели которой вовремя не прибыли в назначенные зоны. За неувязку действий русские солдаты поплатились немалым числом жизней. В редящих у подножий холмов батальонах вместо залихватского "ура" раздавались крики о тридцати сребрениках, поносили бога, императора и генералов, но, стиснув зубы, с мукой в душе, люди надеялись - таки вышибить с родной земли супостата в шишастых касках.

У Тридцать шестого корпуса на первых порах атака развивалась лучше. Ему даже удалось захватить часть позиций противника у деревни Балтагузы. Но потом из глубины немецкой обороны вражеская артиллерия сосредоточила по этому участку невиданной силы огонь и подавила наступательный прорыв.

В озерной теснине, как и на севере, части тоже были вынуждены залечь. В семнадцать тридцать Южная группа отошла на исходные позиции.

Вечерело. Мало-помалу начал моросить мелкий дождик, вернувшиеся в землянки солдаты падали и мгновенно засыпали после нервного перенапряжения, а штабные статисты собирали и передавали в следующие инстанции данные, которые много лет спустя окажутся в деле №113-051 Центрального военно-исторического архива.

Вот они, эти данные:

"Потери в личном составе Второй армии за 18 марта 1915 года:

22 пехотная дивизия - 49 офицеров и 5547 солдат;

1 сибирский корпус - 33 офицера и 3206 солдат;

5 армейский корпус - 80 офицеров и 4102 солдата;

36 армейский корпус - 19 офицеров и 2030 солдат..."

Германский генерал Гутьен, не снимая шинели, сидел в своем кабинете в Кобыльниках и думал, удастся ли его корпусу и всей Десятой армии выдержать русские атаки. Волнение с новой силой заплескалось в его груди, холодя душу. Все ли мы предусмотрели, думал он, все ли? Противник вооружен сейчас лучше, чем когда-нибудь, снаряженный голод у них позади. Если генералы царя Николая разумно используют имеющуюся артиллерию и умело направят эти огромные, застоявшиеся людские массы, беды не миновать. Испокон веков в немецком народе жил дух уважения к русским солдатам. Решительные, презирающие смерть, они могут быстро, пусть и ценой немислимых жертв, но опрокинуть и смять фронт. Но шансы удержать оборону есть. И немалые. Хотя бы такой вот факт. Русские планируют на одну погонную сажень немецких позиций затратить один снаряд - норма, обоснованная кем-то еще в прошлом

веке. Для прорыва же французских позиций у Вердена германские артиллеристы намечали сорок три тяжелых снаряда на погонную сажень, истрачено же в несколько раз больше.

Гутьен расслабился и позволил себе закурить. Табачный дым помогал ему стравливать нервное напряжение. После трех - четырех затяжек в нем снова начало утверждаться ощущение собственной значимости. Что такое Верден, с чуждым доселе сомнением подумал он, беззвучно шевеля губами вслед за мыслями, что такое теперь Верден? Да, на удар на берегах Мааса возлагали большие, если не огромные надежды. И он непременно увенчался бы успехом, не затей русские свою Нарочанскую операцию. **Резервы верховного командования и фронта, которые предназначались для окончательного натиска на Западе, уже двинуты сюда, на Восток. А холмы Вердена в результате станут не могильным курганом французской армии, как замыслил главком, а лафетом огромной мясорубки, которой на долгие еще месяцы суждена кровавая круговерть. А основное для Германии в этот момент - сдержать удар здесь, в Нарочанских низинах, иначе все рухнет в тартарары. Под Верденом сейчас жестокая, конечно, но все-таки элементарная бойня. Иначе не назовешь. А суть - здесь.**

Двадцатого марта на левом фланге Южной группы случилась неувязка. Двадцать пятая дивизия под Вишневом не выдержала газовой атаки немцев. Командир ее девяносто девятого полка Томилин испугался ложного сообщения, что под прикрытием газов на него в огромном числе наступают немцы и отвел полк, не предупредив соседей. Временно командовавший дивизией генерал Филимонов немедленно отстранил Томилину от должности.

На фронтовой карте тех лет пересечение двух проселков, соединяющих господский двор Стаховцы с Занарочью и деревню Стаховцы с Близниками, - крохотная точка, подле которой обозначен крест. Не знаю, стоит ли этот крест в наши дни, но именно туда в ночь с 21 на 22 марта был направлен главный удар Южной группы, увенчавшийся крупным успехом. Лихо ударил балуевский Пятый армейский корпус своей Седьмой пехотной дивизией. Протаранили два километра плотнейшей германской обороны - три линии траншей - взяли более тысячи пленных, в том числе двадцать семь офицеров, три десятка пулеметов, множество винтовок.

Отличная атака получилась и у Десятой дивизии. Ее солдаты взяли две линии траншей и мощнейший укрепленный узел.

Балуев бегал по своему штабу, как разъяренный лев, во всеуслышание кляня Рагозу за глупость и себя за мягкотелость. Ведь если бы не отвели в сторону Третий сибирский корпус, к утру могли бы окончательно прорвать фронт и выбить штаб Гутьена из Кобыльникова. А там бы - пошло-поехало. Чуток духу не хватило.

И немцы понимали, во что может вылиться этот успех. Спустя восемь лет, в 1924 году бывший главнокомандующий германским Восточным фронтом генерал Людендорф напишет в своей книге "Мои воспоминания о войне": "С 18 по 23 марта положение 10-й германской армии было критическим..."

Генерал Рагоза прекрасно понимал, что после первых неудач Северной группе не следовало продолжать атаки. Но двадцать второго марта начал боевые действия соседний фронт и прекращать в это время свои было бы попросту преступно. Рагоза вздохнул. Да, жестокая штука жизнь. В этот день все время лил дождь, люди, лежа в воде окончательно вымокли, а к ночи вызвездило, и влагу прихватило легкий морозец; Сколько в войсках оказалось обледенелых, замерзших. А когда он на часок прикорнул, то в каком-то кошмарном сне привиделось ему, что на штурм идут не люди, а отливающие под луной призрачные статуи из льда.

Он встал и подошел к карте. Между деревнями Мокрицы и Занарочь чернело вызывающее название - высота "Фердинандов нос". Ночная атака с ходу на нее не удалась. Большие потери. Утром Балуев должен ударить по ней еще раз. Пока известий нет. Кто придумал это чертово название? Оно - как бельмо на глазу. Какой-то дрянной холмик с чудаковатой кличкой теперь у всех на устах и в Минске, и в Могилеве. В другое время прошли бы и не заметили. А теперь на ежедневных докладах Алексеева император заостряет свое высочайшее внимание на этом названии. Как еще не взята высота "Фердинандов нос"? И кто не взял - боевой генерал Рагоза? Действительно, дернул его черт отсоветовать Балуеву располагать Третий сибирский корпус за Пятым армейским. И "Нос" бы взяли, как пить дать, и фронт бы окончательно прорвали, и сидел бы теперь Балуев в Кобыльниках в кресле Гутьена, а его дивизии шли бы дальше на запад. А так... вместо изгнания противника за пределы империи суть величайшего сражения сведется к взятию некоего скользкого холмишки. Что ж, сик транзит gloria mundi - так проходит мирская слава... Одно утешает — хоть Франции сумели крепехонько помочь.

Скрипнула дверь и вошел начальник штаба армии генерал Ставров.

- Позволю, выше превосходительство, повторить мое мнение насчет дальнейших действий Северной группы. Операцию в этом районе продолжать невозможно. Сплошная вода. Три дивизии уже там погибли, а новые корпуса просто утонут во вскрывшихся болотах. Окопы залиты полностью. Природа против нас.

- Согласен, - мрачно обронил Рагоза, - готовьте приказ. А Южной группе атаки продолжать. - И, помолчав, мрачно скаламбурил. - И кровь из носа взять "Фердинандов нос".

Ставров кивнул и покинул кабинет.

Вот один из характерных эпизодов Нарочанского сражения, описанный его участником и взятый мной из документальных архивных материалов.

"Беспрерывный гул артиллерии, вспышки выстрелов и разрывов, трескотня ружейной и пулеметной пальбы сливались в неумолчный гул - жуткий и захватывающий. Смерть со страшной силой носилась над полем сражения и косила свои жертвы направо и налево. Стоны раненых, соединенные с воем пролетающих снарядов, огни то здесь, то там рвущихся гранат придавали этой страшной ночи поистине зловещий характер.

Почти весь день молчавшая немецкая артиллерия с неистовым напряжением открыла огонь по всему фронту наступления. Казалось, что не люди подняли весь этот гам, а две стихии сошлись со страшной силой и пытаются одна другую побороть.

Полки, между тем, медленно, но твердо продвигались вперед. Особенно тяжелым было движение 1-го сибирского полка к лесному перелеску. Дождь пуль заливал идущих в атаку сибиряков. Пришлось артиллерии с новой силой обрушиться на этот перешеек.

Наступавшие полки настолько сильно обстреливались с фронта и флангов, что приходилось то останавливаться, то вновь с еще большей силой устремляться вперед, пользуясь каждым случаем перерыва или уменьшения огня со стороны противника.

Ночная атака, рев орудийных выстрелов и страшные потери в рядах полков, стремительность их движения вперед вели к перемешиванию отдельных частей, но это не останавливало движения, передние увлекали своим примером отстающих, и вся лавина трех полков упорно и настойчиво катилась вперед.

С напряжением и тревогой ожидали, чья возьмет в этом страшном поединке. Больной и охрипший от разговоров по телефону начальник дивизии с тревогой и надеждой следил за результатами атаки. Временами казалось, что полки не выдержат.

Напряжение подходило к своему пределу, и каждую минуту могла получиться страшная или радостная весть.

Наконец, в 1 час.20 мин. из 1-го полка поступила просьба перенести огонь артиллерии вперед. Это было первое известие о начавшемся успехе. Полк ворвался в окопы противника. А на рассвете, когда в густом тумане стали неясно обрисовываться контуры окружающих предметов, и 3-й полк овладел частью немецких окопов.

1-я сибирская дивизия оказалась победительницей.

Однако развить успех не удалось. Немцы, удирая, успели сломать запруды для талой воды. Все их окопы залили полностью. К тому же они успели пристреляться по ним. И начали нас методично расстреливать. Дивизия, вернее, то, что от нее осталось, не могла являть собой мишень для расстрела. Пришлось отойти на исходные позиции".

Когда **двадцать первого марта** телеграф по линии Париж - Лондон - Мурманск - Петроград - Могилев принес во французское представительство при русской Ставке радостную весть, генерал По тут же испросил приема у штабверха Алексева и немедленно получил его. "Ваше высокопревосходительство, - сказал он, - **Франция преклоняет колена перед мужеством русских войск. Только что я получил известие - немцы прекратили атаки, и под Верденом наступило молчание.** Грохот орудий там замер, ваше высокопревосходительство". - «Россия верна союзническому долгу, - ответил Алексеев, мы чтим наши обязательства, принятые на конференции в Шантильи". Они проговорили всего пять минут. Алексеев спешил: вот-вот должен был начаться его ежедневный доклад царю. С тех пор, вот уже неделю личных встреч не было. **И всю эту неделю, пока русские отчаянно пытались прорвать германский фронт, под Верденом царило затишье.** Германское командование в испуге озиралось на восток. Десятая армия генерала Эйхгорна истекала кровью, сдерживая неистовый натиск, и, если бы не резервы, спешно переброшенные в район операции, могла бы сломаться. А Жоффри не терял времени. Растерянность противника, вызванную ударом русских, он использовал для переброски под Верден частей десятой французской армии, которую сменили на Сомме англичане. И дело теперь можно считать выигранным. Если немцы и возобновят там боевые действия в прежнем объеме, то вместо быстрого разгрома Франции, на который они рассчитывали, окажутся втянутыми в столь невыгодную для них мясорубку. Людских резервов у держав Антанты значительно больше.

Об всем этом генерал По думал, стоя на днепровской круче близ здания Ставки. На южном берегу Нарочи **русские полки смяли все-таки германские части,** думал он. **И кто смял - безусые юнцы, пополнение недавнего призыва,** бежавшие на окопы противника в плотном строю. Нарочанские болота устланы их трупами, но зато бои сегодня уже ведутся за высоту "Фердинандов нос", самую грозную на том участке фронта. За неделю русская армия потеряла около семидесяти тысяч бойцов, по предварительным данным. Немцы, видимо, вдвое меньше, что теоретически и положительно обороняющим сильные позиции. Если за первый месяц верденских боев они потеряли около ста пятидесяти тысяч солдат, то за неделю здесь - тридцать пять - сорок. Дорогую цену заплатила Германия, чтобы приостановить грозное движение этой массы плохо вооруженных, полураздетых, направляемых неважно подготовленными генералами людей. Этот факт уже можно констатировать.

Но русские ведь еще продолжают атаки. Стоя кое-где по пояс в воде, обмороженные, с начисто повыбитым офицерским составом в некоторых частях. Иного слова, чем героизм, здесь не подберешь. А как умеет веселиться этот народ. Генерал По вспомнил, как в первые дни по приезде он увидел в Могилевском театре концерт плясунов кубанской казачьей сотни. Казаки были ранее в его представлении диким, необузданным народом, который лишь способен рубить головы да вспаривать животы.

Но то, что он увидел, было выше всяких похвал. Восхитительно плясали кубанцы, подобного генералу не доводилось видеть, хоть и объехал он полмира. Н-да, подумал генерал, этот народ умеет и жить, и умирать.

Внизу перед ним лежал грязноватый, взбухающий лед Днепра, а за ним открывался такой беспредельный простор, что генерал невольно поежился. Страшные пространства. И среди них лежит озеро, и сражаются люди, оплатившие своей кровью драгоценные дни молчания Вердена. Знают ли они об этом. Нет, конечно... Есть, вроде бы, у этого народа очень философичная сказка - про какую-то, что ли Репку. Любопытные, почти мифологические персонажи - Дедка, Бабка, Внучка, Жучка, Кошка... и - Мышка. Хороша Мышка - два вооруженных до зубов германских корпуса. Не та ли это Мышка, что на полдороге свернула сюда от Вердена. Случись она там - несдобровать бы нам...

А теперь, уважаемые читатели, намереваюсь процитировать самого себя. Десять лет назад сподобил меня Господь написать повесть, а точнее роман, о Нарочанском сражении - "Красный костел", которая вышла в составе моего сборника в издательстве "Мастацкая літаратура" в 1987 году. Одна из персонажей повести - девушка-доброволец Женя Голубева. У нее есть реальный прототип - Женя Воронцова, о жизни и гибели которой я узнал, роюсь в архивах. Итак, небольшой отрывок:

"Послышался нарастающий вой снаряда. Женя невольно втянула голову в плечи. Вой пронесся над ней, и сразу же в ближнем лесу раздался глухой хлопок. Химический, сразу определила Женя, только они так хлопают, и со страхом подумала, что ее противогазовая маска осталась в траншее. Что такое химический снаряд и баллоны и как газ действует на человека, она узнала еще в учебной роте в Минске. А здесь успела увидеть весь этот ужас наяву. Какие-нибудь полчаса в госпитале, где симпатичная сестричка нервно подергивала свои колечки, несколько десятков солдат, отравленных вчера газами, медленно умирали от удушья. Вокруг коек валялись на полу красные комки, и умирающие поминутно отхаркивали такие же красные кровавые кусочки. И сестра, не зная куда запрятать увешанные кольцами руки, сказала в ответ на немой Женин вопрос, что это - остатки перегоревших легких. Женю передернуло, и она поспешила распрощаться. Над головой пронесся второй снаряд, третий. И вновь звучали не разрывы, как у обычных снарядов, а глухие хлопки. Начинался химический обстрел. Почему-то немцы били не по передовой, а по тылу. Видимо, хотели отсечь дорогу подкреплениям русских.

Женя быстро побежала к линии фронта. А когда остановилась, чтобы перевести дух, увидела, что над почерневшей вершиной высоты "Фердинандов нос", позиции перед которой вчера занял ее полк, сменив обескровленную часть, сверкнули огненно-черные столбы разрывов. Женя снова побежала изо всех сил, огибая лужи, скользя в холодной грязи и падая.

Когда она добежала до траншей, наши батареи перенесли уже огонь на рошу за "Фердинандовым носом" и, видимо, тоже начали стрелять химическими снарядами, так как разрывов почти не было слышно. Зато у немцев послышались раскатистые удары - словно зазвенели большие медные тазы - и яростно затрещали трещотки. Так - гонгами и трещотками они оповещали солдат о газовом обстреле.

Спрыгнув на дно окопа, она поправила винтовку на плече и отправилась докладывать поручику о выполнении задания.

Траншея была бывшей германской, кое-где наспех перевернутая в сторону противника. До подножия "Фердинандова носа" было метров двести, и немецкие позиции хорошо просматривались.

В некоторых местах проволока была изодрана, немцы не успели за ночь починить ее. На пространстве между новой русской позицией и заграждениями лежали

десятки убитых солдат: наступавший здесь до них полк не успел полностью убрать тела своих товарищей.

Женя неотрывно смотрела на "Фердинандов нос". Там творилось нечто странное. С серых склонов его, клубясь, поползли дымно-желтые воздушные струи, они постепенно сливались в сплошную пелену, и легкий ветерок медленно подгонял это густое наземное облако на русские позиции. По траншее пронеслись выкрики каких-то команд, но Женя точно оглохла, отрешилась на время от внешнего мира и смотрела, смотрела, смотрела на зловещий грязно-желтый туман, по-удавьи завороживший ее.

Начиналась газобаллонная атака.

- Маску - услышала она, наконец, грозный окрик унтера и подрагивающими руками стала расправлять противогаз.

Тугая резинка не поддавалась, срываясь и выскальзывая из пальцев.

-По воронкам не прячься, - снова рявкнул унтер, - туда газы стекают.

Наконец противогаз съехал на уши, и звуки боя остались снаружи. Прижав к плечу приклад трехлинейки. Женя начала стрелять в неотвратимо ползущее на нее мессиво, откуда могли вынырнуть страшные хоботообразные морды, тоже несущие смерть.

Клубы газа все приближались и, когда смертоносный туман напоз на траншею. Женя ничего не видела сквозь запотевшее стекло, но на ощупь заряжала в винтовку и стреляла, стреляла по исчезнувшему принарочанскому холму, странно именуемому "Фердинандов нос"... Что было дальше? Об этом повествуют документальные архивные материалы:

"Добровольцу Воронцовой было всего 17 лет. Она прибыла в дивизию из первого армейского корпуса вместе с командой связи. Однако в день атаки она категорически заявила, что желает принять участие в бою и была направлена в 5-ю роту. Однако немцы с высоты "Фердинандов нос" первыми предприняли газобаллонную атаку и к тому же обстреливали тыл дивизии химическими снарядами. Начальник дивизии решил атаковать раньше, чтобы вывести бойцов из отравленной зоны к проволочным заграждениям немцев, где газа уже не было. Сквозь газ под сильным перекрестным огнем, пулеметным и ружейным, вместе со стрелками Воронцова достигла проволочных заграждений. Идя с винтовкой в руках, не обращая внимания на град пуль, сыпавшихся на наступающих, она своим спокойствием заражала окружающих. У проволочных заграждений атакующие цепи остановились. Воронцова первая нашла проход на разрушенном участке и с криком: "Братцы, вперед!" устремила к германским окопам. Многие последовали ее примеру. Но через несколько шагов юная героиня пала, сраженная вражеской пулей".

Главнокомандующий Западным фронтом генерал-адъютант Алексей Ермолаевич Эверт взял "Русские ведомости", поступившие час назад, и усмехнулся, читая подчеркнутые адъютантом строки: "Весеннее половодье все более стесняет район действий с обеих сторон. Противник признает, что в подготовительный период наша артиллерия вела огонь при расходе снарядов в размерах еще невиданных. Молодой состав полков рвется в бой, несмотря на невероятные трудности, вызываемые местностью, превращающейся в болото". Н-да, из такого сообщения российскому обывателю нелегко что-нибудь понять, подумал он. **А в бой там, судя по донесениям, уже не рвутся. Еще бы. При прорыве германской обороны два наших корпуса уничтожены почти полностью и четыре частично.** И в то же время другие шесть из-за распутицы и непринятия соответствующих мер руководством армии превратились в невольных свидетелей кровавой драмы, разыгравшейся в Нарочанских краях. Жуткие разыгрывались сцены. Поступает в полк категорическая телеграмма - закрепиться на захваченных участках и удержаться, во что бы то ни стало. А солдаты

стоят по колено в воде и, чтобы передохнуть, складывают штабелями немецкие трупы и на них садятся, так как в окопах полно воды. К ним заползают раненные, изуродованные, страдающие, стонущие. Непосредственно в прорыве обороны участвовали около ста тысяч штыков. То есть дрались примерно, равные силы. **Потери, бесспорно, огромны. В Северной группе сорок восемь тысяч, в Южной двадцать девять тысяч человек. В Центральной, которая в прорыве не участвовала - восемьсот пятьдесят человек.** Итого, по предварительным подсчетам, **около семидесяти восьми тысяч душ.** И немцы, по нашим данным, потеряли порядка тридцати-сорока тысяч. Что ж, взяли мы десять квадратных верст и здоровехонько поспособствовали французам. Они должны быть нам до гробовой доски обязаны. Алексей Ермолаевич поднес к глазам телеграфную депешу наштаверха Алексеева от двадцать девятого марта. Михаил Васильевич приказывал временно прекратить наступление и закрепиться на удобных позициях между озерами Нарочь и Вишневокское. Боже мой, как ждал он этой телеграммы, как надеялся на нее и как опасался. Ведь словно сама природа взбунтовалась против многотысячного смертоубийства и решила прекратить славяно-германскую) бойню, затопив водой плаху, на которой россияне и немцы остервенело, лишали друг друга жизни. Что же дальше? Ведь на него, единственного, кто сумел разгадать стратегический замысел германского главкома Фалькенгайма и настойчиво требовал прорыва в зимних условиях теперь в - блистательном Могилеве - это Алексей Ермолаевич о-о-очень хорошо представлял - посматривают весьма сурово. А недруги нашептывают, нашептывают... И сейчас сама природа против дальнейшего кровопролития, он об этом тоже предупреждал.

Эверт взял свой собственный приказ от тридцатого марта, наклонился над листом и беззвучно зашевелил губами, в который уже раз перечитывая его.

"Начатая 18 марта атака неприятельских позиций в районе 2-й армии до настоящего времени не привела к решительным результатам, между тем наступившая теплая погода и обильные осадки, выпавшие за последние дни, сильно заболотили значительную часть района расположения войск и до крайности затруднили дальнейшее развитие операции в полном объеме. Во исполнение повеления государя императора приказываю:

2-й армии прекратить наступление, прочно утвердиться в занимаемом положении, сохранять видимую готовность к продолжению боя, держать противника под угрозой атаки, а на участке между озерами Нарочь и Вишневокское продолжать начатую операцию с целью овладения пунктами, нужными для прочного обеспечения отнятого у противника района".

Прочитав эти строки, Алексей Ермолаевич вспомнил, что, узнав о приказе, командующий 2-й армией Смирнов срочно выздоровел, выписался из госпиталя и уже едет в свой штаб в Будслав. Вспомнил, покачал головой и усмехнулся.

Однако на этом Нарочское сражение не окончилось, а двадцать восьмого апреля прогремел кровавый его отголосок. Немцы решили отбить захваченные русскими десять квадратных верст земли и предприняли мощнейший удар. **В ожесточенной схватке пятый корпус русской армии потерял десять тысяч бойцов, заставив противника оплатить их гибель такой же ценой.**

Тот же штабной офицер Михаил Лемке, будущий редактор известной газеты "Русское слово", оставил нам в своей книге "250 дней в царской ставке" документальную запись беседы наштаверта Алексеева с императором от 29 апреля. Вот она:

"Потери громадны, ваше величество.
– Что значит "громадны", Михаил Васильевич?
– Около пятидесяти процентов, ваше величество, масса достойных солдат и офицеров.

- З-э, Михаил Васильевич, такие ли еще погибали, обойдемся другими, еще хватит.
- Ваше величество, прикажите сообщить телеграфом выражение вашей искренней скорби?
- Дайте, пожалуйста, только не надо "искренней", а просто "скорби".
- "Слушаю-с..."

...

Эпилог, который вполне может быть и прологом.

Летом 1988 года, уже после выхода в свет повести "Красный костел", посвященной событиям Первой мировой войны в Нарочанских краях, я стоял на поле сражения. Одного из многих, где пришлось ранее побывать. А таковых довелось повидать немало. Бродил по равнине Бородина. Стоял на вершине Мамаева кургана. Поднимался и спускался по кургану Малахову. Долго курил в раздумье возле небольшой пехотной пушечки, что поставлена на перекрестке дорог близ Курска. Любовался цветением яблоневых садов в травянистых лощинах на месте Полтавской баталии. Смотрел на поля и перелески Аустерлица под моравским городом Брно. Вдыхал прокаленный солнцем аромат поля Куликова, когда всходил на холм к невысокому, усеченных форм памятнику, сооруженному там спустя четыре века. Зябко ежился на лесистом берегу только что вскрывшегося ото льда Чудского озера, по вспученной глади которого плавали корявые, точно оборванные скрюченными в предсмертных судорогах пальцами псов-рыцарей льдины. Опускал, сжав зубы, венок из дальневосточной ели в блекло-свинцовые воды Цусимы...

Но здесь, близ Нарочи, где я стоял теперь, здесь было поле особого сражения. Исторического и жуткого в своей уникальной для человека кошунственности. По всему фронту прорыва, на который дерзнула ринуться Вторая армия, она была встречена жестокими газовыми контратаками. Кошунственная уникальность химической войны, ее зловещий призрак среди эталонного великолепия восхитительного курортного уголка земного шара угнетали душу. Но не одно это, ибо стоял я рядом с памятником. Не нашим. Чужим. На пьедестале было выбито: "Доблестным героям 21 -го германского корпуса, павшим в боях за Фатерланд. И был воздвигнут этот символ в конце двадцатых годов, когда исконные белорусские земли входили в состав санационной Польши. Оплачивал сооружение этого памятника и еще нескольких Германский народный союз по уходу за воинскими могилами. Выглянуло из-за дождевых туч яркое июньское солнце, венчавшая пьедестал орлиная статуя распростерла на земле рваную и кривую тень, и мне сразу подумалось - насколько же великодушен наш народ, что претерпев бездну мук от фашистов, не позволил себе вандалистскую выходку, не мстил слепо и огульно - нации, и орел этот устоял в огне и горе военных и послевоенных лет, не рухнул, не был растоптан. И ведь народ наш, думал я, не знал, что тут историей был сотворен нелепый жертвенный алтарь: русская армия, пытаясь спасти Францию, прорывала позиции, которые обороняли одетые в кайзеровскую форму мужчины Эльзаса и Лотарингии - коренных французских земель, отнятых Германией у Франции в прошлом веке. Народу нашему было не вдомек об этом кровавом историческом парадоксе, но, тем не менее, памяти воинов противника он не осквернил.

Но не вандализм ли десятилетиями вершился в отношении памяти собственной, думал я, вандализм, именуемый забвением.

В чем же причина нашего забвения? Видимо, в том, что Первая мировая была врезана в наше сознание не своими жуткими, газово-удушливыми реалиями, а голым теоретическим стереотипом - империалистическая. А посему, к огромным жертвам, понесенным тогда народом, сам по себе напросился ярлык низкосортности, и они

попросту списаны в графу "расход". Бесстрастной бухгалтерской костяшкой. Щелк - и словно не было.

Это - с нашей стороны. А вот как относился к могилам наших солдат противник. В конце войны на плетнях Нарочанских и других западно-белорусских деревень были развешаны объявления на немецком и русском языках. Страшный документ. Вот выдержки:

"Чтобы снабдить империю жирами для технических целей, военное Генерал-губернаторство распорядилось предпринять раскопки русских могил и таким образом добывать жир и кости. Их должны осуществлять только люди, представляющие Главную фирму сырья военного Генерал-губернаторства. Раскопки будут происходить вблизи бывших русских позиций. Жир имеет темно-коричневый вид, характерен острым неприятным запахом" и будет, главным образом, запакован в мешки".

Этот неприкрашенный ничем текст привел в своей книге "Вершалинский рай" покойный ныне писатель Алесь Карпюк. И не раскрывает ли причину нашего забвения трагический прощальный аккорд воспоминаний единственного из военачальников всех воюющих государств первой мировой, чьим именем названа одна из крупных операций - генерала Брусилова: "В заключение мне хочется сказать, какое глубокое чувство сохранилось в душе моей ко всем верившим мне моим дорогим войскам. По слову моему они шли за Родину на смерть, увечья, страдания. И все это зря. Да простят они мне это, ибо я в том не повинен: предвидеть будущего я не мог".

Как бы там не было, но своим воинам Первой мировой поставить обелиски мы не удосужились. Причин тому много: и одиозное отношение к старой русской армии, и временная отторженность западнобелорусских земель, и новая кровь гражданской и Великой Отечественной войн, хлынувшая на старые шрамы на теле народа и скрывшая их от нас на десятки лет.

Однако надо было что-то делать. И после серии статей в "Советской Белоруссии" и других республиканских газетах лед тронулся. 28 апреля 1989 года состоялось заседание президиума правления Белорусского фонда культуры. Вот выписка из протокола:

"СЛУШАЛИ:

Информацию об инициативе создания в районе озера Нарочь мемориала солдатам, павшим в годы Первой мировой войны.

ПОСТАНОВИЛИ:

1. Поддержать инициативу по созданию мемориала и включить в план работы фонда организацию и координацию усилий, связанных с его созданием.
2. Объявить сбор народных средств на счет БФК №702301 в Белжилсоцбанке с целевым указанием "На сооружение мемориала солдатам Первой мировой войны.

Председатель правления Белорусского фонда культуры
И.Г. Чигринов"

Вскоре был образован Белорусский республиканский общественный оргкомитет по увековечиванию памяти павших в Первой мировой войне и начат сбор средств. Пионером этого святого дела стал комитет ДОСААФ Молодечненского учетно-планового техникума, перечислившего на специальный счет 134 рубля 80 копеек. Сумма невелика, но, видимо, это все, что было в наличии. Но в этом-то и вся ценность перевода. Не дорог подарок - движение души человеческих дорого. Затем поступили переводы от А.Т.Шурмановой из деревни Лесковка, минской школьницы Кати Лютынской, военного летчика запаса Н.Н.Лемешкова из Барановичей, могилевчанки Н.В. Кабановой, инженера из Челябинска Ю.С.Князева, подполковника Советской армии из Джамбула В.С.Потапова и многих, многих других граждан со всех

уголков республики и Советского Союза. Коллективные взносы сделали ученики пяти классов Мядельской средней школы №2. Сказали свое веское слово и советы трудовых коллективов крупных предприятий. Объединение "Авторемстроймонтаж" перечислило пять тысяч рублей, "Горизонт" - десять, "Белсельстрой" - десять, "Белбумпром" - пять, "Промтехмонтаж" - три, издательство "Польмя" - одну тысячу, минский костел Симеона и Елены - восемьсот рублей. Объединение "Интеграл" часть средств, заработанных на субботнике, в размере пятнадцати тысяч рублей также перечислило на счет мемориала.

Всего за довольно короткий период удалось аккумулировать на счете около шестидесяти тысяч рублей. По тем временам деньги немалые. Стали думать, кому заказать проект и кому поручить подготовительные работы. Но тут грянули известные финансовые события, и мемориальные деньги, как и сбережения десятков миллионов наших сограждан обратились в прах. И Нарочанское сражение вторично, уже в наши дни потерпело неудачу. На этот раз финансовую.

Но кое-что сделано.

Теплым и ясным майским днем в деревне Княгинин Мядельского района был торжественно открыт строгий черномраморный памятник, на котором начертана эпитафия, "Здесь похоронены 2500 русских солдат, павших в годы Первой мировой войны". Тогда же неподалеку от Княгиняна на уцелевших братских могилах были установлены мемориальные знаки - у деревень Брусы /бывший хутор Гуцар/, Черемшицы /бывший хутор Гать/ и Узла. Таким образом, благодаря усилиям прессы и заботе руководителей Мядельского райисполкома и Княгининского поссовета начало было положено. Финансировались эти работы за счет местного бюджета.

Мемориал, же, вне всяких сомнений, рано или поздно будет создан. Оргкомитет пойдет "с шапкой" по второму кругу и правительство республики непременно примет участие в этом святом деле.

А недавно ко мне обратилась директор Мядельского районного краеведческого музея Нина Алексеевна Матюшонок и сотрудник музея, заслуженный учитель БССР Константин Арсеньевич Каратай с просьбой разыскать в столице специалистов, которые смогли бы предохранить табличку с надписью "Не шумите, сосны зеленые, не будите вы славных героев" от порчи временем. Нашел я в Минске таких специалистов. Так что и табличка, как и наша память, спасена от разрушительного воздействия времени.

МИХАИЛ Круль,

писатель, сопредседатель-координатор Белорусского республиканского оргкомитета по увековечению памяти Павших в первой мировой войне, 220032, Минск, ул. Данила Сердича, д.3, кв.80.

1997 г.